

**ДРЕВНЕЙШИЕ НАЗВАНИЯ ЧЕРНОГО МОРЯ, ОЗЕР УРМИЯ
И ВАН В СВЕТЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ДРЕВНИХ АРМЯН**

При выяснении этнической принадлежности древнего населения того или иного региона мира одним из важнейших источников являются древние названия местных географических объектов. Таковыми являются, в частности, гидронимы. В вопросе выяснения этнического состава древнейшего населения Армянского нагорья несомненный интерес представляет исследование цветowych терминов, существовавших в древнейших названиях Черного моря, озер Урмия и Ван. Следует учесть, однако, что точную этимологию этих гидронимов возможно провести лишь в том случае, если за исходную точку принять следующее важное обстоятельство: применение в древнейших названиях Черного моря, озер Урмия и Ван контрастных цветowych терминов, принадлежащих семантически противостоящим рядам «левого» и «правого», обусловлено прежде всего противостоящим расположением этих бассейнов относительно Армянского нагорья—море на севере (точнее на северо-западе), а озеро—на юге. Относительно этимологии этнонимов В. А. Никонов указывает: «Недостоверность большинства этимологий—плод изолированного рассмотрения. Понять происхождение этнонима нельзя вне ряда, в котором он возник. При этом необходимо учитывать и смену ряда: этноним *белорусы* сегодня воспринимается в ряду *русские, украинцы*, но возник он в совсем ином ряду, вне которого не объясним: *Червоная* (красная) *русь*, *Белая русь*, *Черная русь*».¹ Отметим, что приведенные этнонимы имеют в своей основе соответствующие топонимы.

¹ В. А. Никонов, *Этнонимия* («Этнонимы», М., 1970, с. 25).

³ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 2, М., 1967, с. 654; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, с. 158; Р. Ачарян не причисляет сюда армянское слово *мог* < *моу* (*мог* < *моу*), „грязное, мокрое место, грязь, болото“ (Հ. Ա ճ = ա, յ, չ, չորհրդի արմատիկի բառերի, հ. 9, *երկու*, 1977, էջ 374). Однако, по мнению В. В. Иванова, имеется тесная этимологическая

манских и кельтских языков существование этого же корня предугадывается также в ряде других и.-е. языков. *Magat—прототип древнеиндийского названия марутов, олицетворявших морские ветры, означает «с моря веющий»⁴, а древнегреческое имя сына бога Посейдона Ἀμφίμαρος буквально означает «окруженный морем»⁵. С ними связаны также являющиеся древнебалканским наследием следующие топонимы: фрак. Mogimagusa (лат. «mortem mare»), венг. Maragos, румын. Magatigusa и турец. Магмага (Мраморное море)⁶. К их ряду можно причислить как название древней армянской провинции Мари (др. арм. Magi, Մարի), прилегавшей к озеру Урмия с юго-запада⁷, так и название одного из островов озера Ван—Ахтамар (др. арм. Alt'amar Աղթամար)⁸. Компонент -mag в последнем названии—несомненно упомянутое выше слово *mag «море», а компонент alt'—(*alt'-(Alt'amar < *alt'—a—mag), по-видимому, означает «скала, камень»⁹. Это название отражает специфику древнего рельефа острова¹⁰.

Рассматриваемый пелагоним своим компонентом кака- (կակա-) связывается со следующими словами индоевропейских языков—греч. kakos «плохой, неопрятный», «дурной, негодный», «злой, порочный», «несчастный, ужасный» и т. д., kzkov «зло, беда, бедствие, несчастье» и т. д.,¹¹ фриг. kake «плохой, дурной», kakev «зло, злость», др. инд. koka «волк», афг. kakaq «грязный, скверный».¹² Ср. также арм. диалект. kokr (կոկր), kork (կորկ) «грязь, нечистота», «замазанная грязь», kokrot (կոկրոտ), korkot (կորկոտ) «грязный, загрязненный», «покрытый мусором»¹³. В слове kokr > kork налицо частица -г: ср. barjg, mapg,

связь между хеттским *ma(r)-мага и армянским тацг [В. В. Иванов, Разыскания в области анатолийского языкознания, 3—8 («Этимология 1976», М., 1978, с. 162)].

⁴ О. Н. Трубачев, Прусский язык, А—D, М., 1975, с. 193.

⁵ Ср. греч. однозначное слово ἀμφίμαρος, содержащее корень ἄλς, ἁλς «море» (И. Х. Дворецкий, Древнегреческо-русский словарь, т. I, М., 1958, с. 87, 102).

⁶ О. Н. Трубачев, Temarandum „Mortem maris“, К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья («Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика», М., 1977, с. 90).

⁷ В. С. Баркский, указ. соч., с. 65, 108.

⁸ Там же, с. 33, 108, 109.

⁹ Начальное а восстановленного слова *alt' является протетическим гласным: ср. a[an], a[blu], a[ues] и т. д. [В. В. Иванов, Մարագանի և Մարագանի անունների համեմատական հետազոտությունները (Հայոց լեզվի համեմատական հետազոտությունների հարցեր, Երևան, 1979, էջ 233)]: Следовательно, изначально слово имело вид *ilt': ср. греч. λίθος «камень», рус. лёд, литов. ledus, латыш. ledus «лёд» (М. Фасмер, указ. соч., с. 474).

¹⁰ Тот же смысл имеет также название другого острова Ванского озера—Арти (др. арм. Arti, Արտի). Вероятно, топоним Arti закономерно образовался из того же прототипа, что и др. инд. adri «гора, скала» и иллир. adri «утес, риф» (об этих словах см.: В. С. Баркский, Հայերեն և հնդկարական հին լեզուները, Երևան, 1970, էջ 13 և ծան. 8).

¹¹ И. Х. Дворецкий, указ. соч., с. 860, 861—862.

¹² В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, с. 140, В. С. Баркский, указ. соч., с. 109; Wörterbuch Sanskrit. Deutsch*, von Prof. Dr. Dr. habil Klaus Mylius, Leipzig, 1980, S. 123.

¹³ В. В. Баркский, Հայերեն բացատրական բառարան, Կ. Ք., Երևան, 1944, էջ 459, 478, «Բառգիրք Հայոց», քննական բնագիրը, առաջաբանը և ծանոթագրությունները. Զ. Մ. Ավանի, Երևան, 1975, էջ 172 (далее «Բառգիրք Հայոց»);

peir, rok^c и т. д., а переход а > о наблюдается не только в армянском, но и в соответствующем древнеиндийском слове (kōka). Что касается палия в армянском слове к вместо ожидаемого к^c, то напомним, что в армянском языке немало подобных случаев. В качестве примера можно привести первые члены этимологически тождественных пар — kał и k^cayl, ktuç и k^cit^c, kum и k^cimk^c¹⁴. По всей вероятности, пелагоним Какатаг означает «злое море», «скверное море». Правдивость подобной этимологии подтверждается названием, данным древними греками тому же морю — Πόντος Ἀχαιῶν («негостеприимное море»). Последнее считается либо греческим осмыслением древнеперсидского *Ахзаёпа «черное, темное» (ср. др. греч. Πόντος Μάλας — букв. «черное море») ¹⁵, либо исходит из древних мифологических представлений о Черном море как о море страны мертвых ¹⁶. Эти истолкования не отрицают друг друга, так как опираются на представления древних людей о том, что страна мертвых — это также и царство вечного мрака. Не случайно, что хетты называли потусторонний мир «черной землей» ¹⁷, а армяне — и «черной землей» (seu hoł, *սև հող*) и «черной бездной» (seu anhatak, *սև անհատակ*) ¹⁸. Причем, согласно представлению всех древних народов, черными и мрачными должны быть также и воды этого мира. Вспомним, хотя бы, «Черную воду» (Seu ĩur, *սև ջուր*) из армянского эпоса: «Черная вода — подземная вода, река, которую, согласно народным верованиям, если не приостановить, то она вытечет и затопит весь мир. Меч-молния (Давида Сасунского) рассек надвое Мсра-Мелика и, пронзив землю, достиг Черной воды» ¹⁹.

Но почему же именно Черное море получило названия, в которых наличествуют эпитеты «черный», «злой», «скверный» и т. п. На наш взгляд, это объясняется только и только тем, что Черное море находится именно на севере прародины древних индоевропейцев. Известно, что для индоевропейцев раннего периода север отождествлялся с левой стороной света, так как они ориентировались, становясь лицом к востоку (к восходу солнца). С этой точки зрения не случайно, что латинское слово oriens (-tis) «восход» и французское orientation «ориентация» имеют одинаковые корни. Не случайно также и то, что древнеиндийское слово dakṣiṇā означает одновременно и «правое», и «южное» ²⁰, а древние армяне своих северных соседей называли Virk^c (*Վիրք*), где vir < *iur < и.е. *seu-er (< *seu- «левый») ²¹. Известно также, что страна мертвых и царство мрака первоначально представлялись не на западе, а имен-

¹⁴ Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописменного периода армянского языка, Ереван, 1967, с. 302.

¹⁵ М. Фасмер, указ. соч., т. 4, М., 1973, с. 345.

¹⁶ Хильдебреخت Хоммель, Ахилл-бог («Вестник древней истории», 1981, № 1, с. 69).

¹⁷ V. Haas, Der Kult von Nerik (Studia Pohl., 4. Roma, 1970, S. 142—144).

¹⁸ Ср., например, проклятия Seçan (h) atakə ançnis («Чтобы ты провалился в черную бездну») и Seç hoł çaržananas («Чтобы ты не удостоился черной земли») — В. Р. Հարությունյան, Անհատի և օրհանգի ծանր հայ բանահյուսության մեջ, Երևան, 1975, էջ 215.

¹⁹ «Սևան ծովը», Հ. Բ. Ջան Բ, Երևան, 1951, էջ 870.

²⁰ Wörterbuch Sanskrit-Deutsch, S. 199.

²¹ В. Գ. Պետրոսյան, Հայագրիչների մշակութային և պաշտամունքի արտացոլումը Շարաի ավանդաբանության («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1981, № 3, էջ 196, ծան. 62). В связи с отождествлением севера и левой стороны вспомним, что рус. север «север», но в др. инд. savuā, авест. havuā «левый» (все из того же и.е. корня *seu- «левый»).

но на севере²², и это не только потому, что север—несолнечная сторона света, но и потому, что по ориентации на восток север находился по левую сторону.

Двуединство противоположных понятий в древности имело всеобщее распространение и лежало в основе многих как социальных построений (например, двуединой племенной структуры), так и явлений, касающихся духовно-идеологической (в особенности мифологической) сферы. Принадлежавшие к семантическому ряду понятия «левого» в представлениях древних людей были противопоставлены соответствующим понятиям, принадлежавшим семантическому ряду «правого». Отрицательно—уклончивое отношение к первым нашло свое отражение в верованиях всех народов мира²³. Даже великий Платон давал дань этому умопостроению, приписывая правую сторону олимпийским богам, а левую—демонам²⁴. В армянской действительности, даже в представлениях церковных деятелей, противопоставление правого и левого воспринималось как противопоставление света тьме. В этом смысле достойны внимания следующие строки Лазаря Парпеци: «...и услышав это наставление, половина из великих князей четырех провинций, пожелав *правой стороны*, поспешила добратся до отары *овец*, а другие, присоединившись к стадам *коз левосторонних*, люшши безвозвратно к потустороннему мраку»²⁵.

«Черное» как эквивалент «злого», «скверного» и т. д., принадлежа к семантическому ряду «левого», одновременно, согласно цветовой классификации, соответствующей трем пластам (небо, земля, недра) космического пространства²⁶, связывалось, как было сказано выше, с недрами и их водами. И посему эпитет «черный» связывался и с морем, которое в разных верованиях часто выступает как третий пласт космического пространства²⁷. В одной из армянских сказок мы встречаемся с подобным интересным проявлением эквивалентности «черного» и «моря». Для того, чтобы найти животворный кинжал и воскресить четвертого брата—Нхара, мудрый конь последнего говорит «белоконому брату: ты иди советуйся со звездами; зеленоконому говорит: иди на землю и советуйся со всеми живыми существами; черноконому говорит: иди на дно морское, советуйся с рыбами. Спросите, узнайте у кого кинжал, принесите его, чтобы воскресить Нхара. Как только сказал, белоконый поднялся на небо, зеленоконый отправился на сушу, а *черноконый на дно морское*»²⁸. Как видим, сфе-

²² Б. А. Рыбаков, Языческое мировоззрение русского средневековья («Вопросы истории», 1974, № 1, с. 15).

²³ Ср., например «Հայ ժողովրդական հեքիաթներ», հ. 5, Երևան, 1966, էջ 214, հ. 10, Երևան, 1967, էջ 22.

²⁴ Плутарх, Моралий («Вестник древней истории», 1977, № 3, с. 261).

²⁵ «Հայաշրջի Փարսեցոյ Պատմութիւն Հայոց և Բուդթ ևն Վահան Մամիկոնեան», Տիգրիս, 1904, էջ 127.

²⁶ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, М., 1974, с. 23—24, 30.

²⁷ Ср. начало «Песни о Вахагне»: «Муками родов объята земля, муками родов объята небо, муками родов объята и море багряное...».

²⁸ «Հայ ժողովրդական հեքիաթներ», հ. 8, Երևան, 1977, էջ 448. В армянских верованиях мифологические кони (конники), олицетворявшие три пласта космического пространства, чаще всего выступают в первоначальных трех цветах—белом, красном, черном. Между прочим, из сказочных трех баранов, которые имеют то же мифологическое содержание, черный баран является символом недр (страны мрака).

ра деятельности черноконого всадника—море. Притом известно, что отражающиеся в топонимах цветные эпитеты могут иметь также и переносное применение, обусловленное как политической принадлежностью и географическим расположением соответствующих объектов, так и мифологическим (религиозно-культовым) содержанием топонимов²⁹. Значит, в пелагонимах *Ахсаепа, Πόντος Μελας, Seu-coy (Սև ծով), Черное море и других акцентрировано не конкретно-цветовое, а именно мифологическое начало. Следовательно, существование халтийского названия Какатаг Черного моря обусловлено не только (и не столько) тем фактом, что для и.-е. населения Малой Азии и Армянского нагорья Черное море было морем левой—иссолнечной (северной) стороны, но также и тем, что, согласно тогдашним верованиям оно являлось морем левой—скверной стороны.

Пелагоним Какатаг, как нетрудно догадаться, происходит из языка и.-е. племен, но не Малой Азии, а Армянского нагорья. Прежде всего, автор «Армянской географии» не сомневался в халтийской принадлежности этого пелагонима. А халтии (др. арм. xalt'i, խալդի, мн. ч. xaitik՝ խալդիք, др. греч. χάλδαοι), как известно, проживали на восточных склонах Восточнопонтйского хребта, а также между ними и Черным морем³⁰. Далее, с точки зрения как мифологических представлений, так и сравнительного языкознания, название Какатаг Черного моря имеет свои антонимы в лице древнейших названий озер Урмия и Ван, находящихся на противоположной (южной) стороне Армянского нагорья. Лежащие в основе названий последних объектов термины, как увидим ниже, принадлежат к семантическому ряду «правого», содержа понятия, близкие к «светлому», «блестящему» и «белому».

Одно из древних названий озера Урмия дошло до нас благодаря Страбону. Он пишет, что Атропатена «имеет озеро, которое называется Спаутан (Σπαῦταν)³¹. В этом лимнониме пытались усмотреть другое название озера—Карутан (др. арм. Կարուտան): Σπαῦταν < *Каῦταν < *Какоутан³². Однако это маловероятно, так как вряд ли в этом кратком слове имели одновременно место и потеря а первого слога, и искажения $\kappa > \sigma$, $\alpha > \alpha \bar{u}$. По-видимому, в лимнониме подлежит исправлению только одна буква— $\bar{u} < \bar{i}$, то есть Σπαῦταν < *Σπαῖταν < *spait-an. В этом случае в лице первого компонента лимнонима имеем дело с армянским словом spet (սպեթ)³³, которое лежит также в основе армянского սպեթափառ, «светлый»³⁴. Этот spet, несом-

²⁹ В. В. Иванов, Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии. К названию Белоруссии [«Балтославянские исследования 1980 (далее—«Цветовая символика»), М., 1981, с. 164]. Как показывают исследования географических названий и раннего эпоса, употребление эпитетов «белое», «красное» и «черное» не сводилось лишь к чисто цветовой характеристике и имело символическое значение («Цветовая символика», с. 163—177; Е. М. Мелетинский, «Эдда» и ранние формы эпоса, М., 1968, с. 117—120).

³⁰ У. С. Երկսյան, указ. соч., с. 32, 64.

³¹ Strabo, XI, 13, 2.

³² «Ստրաբոն», բաղն և թարգմանն Հ. Աճառյան, Երևան, 1940, էջ 47, У. С. Երկսյան, указ. соч., с. 58, 67, 136.

³³ Ср. spet-a-pat и spitak-a-pat (Հ. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառաբանություն, Ե. Դ, Երևան, 1979, էջ 264).

³⁴ «Բառարկր խոյր», էջ 293.

ненно, иранское по происхождению слово (так как и.-е. k'u- > иран. sp-) ³⁵ в первоначальном виде *spait (> др. арм. *sprayt > spet, так как др. арм. -ay- > -e-). Из разных форм иранских языков к нему более всего ближе spraita Авесты в смысле „светлый, белый“: ср. также пехл. spet, из которого арм. spit (սպիտ) „белый“ ³⁶, spetak, из которого арм. spitak (սպիտակ). перс. sapid, sefid „белый“ и т. д. ³⁷ В отличие от последних армянских слов, spet (< *sprayt), по-видимому, заимствовано из иранского в более ранние времена, так как оно сохранило первоначальный смысл „светлый“ иранского корня. Кстати, в случае его заимствования из пехлевийского следовало бы ожидать формы *spet (սպէտ) или *spit (սպիտ), с последующим значением „белый“.

Таким образом, имея в виду, во-первых, существование армянского слова spet-a-p'ar (где spet < *sprayt), а, во-вторых, тот факт, что в течение веков северные и западные берега озера Урмия входили в состав Древней Армении, можно утверждать, что озеро получило название Σπαίταν (< *sprayt-an), ³⁸ т. е. „светлый“, не от иранцев, а от армян. Это следует также из того, что озеро Урмия находилось на юге Армении, а не Ирана. ³⁹ Напомним, что термины со значением „светлый“ принадлежали именно семантическому ряду „правого“, а юг — правая (также светлая, чистая и т. д.) сторона света.

Другое большое озеро южной Армении — озеро Ван — в древности называлось Соцп ai, Ai соц, Соцакп ai, Ai соцак (ծովի ափ. Ադր ծով, ծովափն ադր, Ադր ծովափ), где соц „море“, соцак „озеро“. Мовсес Хоренаци, повествуя о возникновении современного ему названия озера Ван — Вэппеас (Բեփեանիայ ծով), пишет, что внук родоначальника армян Гайка Баз унаследовал „северо-западные берега моря Али (ծովի ափն ալի), и как провинцию, так и озеро назвал своим именем“. ⁴⁰ Иоанн Мамиконян в главе „О смерти Тирана, сына Вагана и войне, что имела место на берегу моря Али (Ադր ծովուն)“ ⁴¹ своего труда местом войны указывает „у подножия Гргура, на поле, что на юге“. ⁴² Согласно Хоренаци, озеро Ван называлось Ai по той причине, что его „воды соленые“ (ai, աղի „солёный“). ⁴³ В кажущемся убедительным с

³⁵ Ср. следующие слова родственных языков: др. инд. svētyās «светлый; белый», авест. spraita, то же — рус. свет, светлый, литов. šviesli. «блестеть, светить» и т. д., которые происходят от и.-е. форм k'uei-t-, *knoi-t- (М. Фасмер, указ. соч., т. 3. М., 1971, с. 575—576).

³⁶ «Տրակիրք հայոց», էջ 293, 2. Ահալան, Հայերեն արևմտափն րափան, հ. 7, էջ 264—265.

³⁷ Там же, с. 265.

³⁸ Для суффикса ср. другое армянское название этого же озера Каруіап (հարուան) < *Кароуі-ап (где кароуі — „синий“).

³⁹ Кстати, древнее иранское название Урмийского озера — Чечашт (В. В. Бартольд, Сочинения, т. 7, М., 1971, с. 210).

⁴⁰ «Մովսիս Խորենացու Պատմութիւն Հայոց», Տփղիս, 1913, էջ 33.

⁴¹ Յովհան Մամիկոնեան, Պատմութիւն Տարեան, Երևան, 1941, էջ 283.

⁴² Там же, с. 285—286.

⁴³ «Մովսիս Խորենացու Պատմութիւն Հայոց», էջ 35.

первого взгляда этом толковании игнорировано то важное обстоятельство, что название *Alī* носили также впадающая в озеро Ван с севера речка Арчеша, её долина (*Ařiovit*, *Աղիովիտ* < **Աղի-հովիտ* „долина Али“) и находившееся здесь местечко *Alī* (*Աղի*, клинопис. *Alia*, позднее *Naī*, *Հաղի*).⁴⁴ Нет сомнения, что приведенные топонимы и название озера Ван могут иметь только одинаковое происхождение⁴⁵, и в них *alī* нашло топонимическое применение отнюдь не в смысле „солёный“. По нашему мнению, этот *alī* происходит от и.-е. корня **rel-* „бледный, серый, пепельный“⁴⁶ и является более древним вариантом армянского слова *alī* (*ալի* „волна, зыбь“, а также „белая борода, белые волосы“)⁴⁷: ср. клинописную форму *Alia*⁴⁸ топонима *Alī*, которая имеет свою прямую параллель в лице слова *alī* (мн. ч. род. пад. *aleas*, *ալիաց*). Посему первоначально название *Alī* озера Ван могло означать „белый“, „беловатый“. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что озеро Урмия также иногда называлось *Alī* (*Ալի* соц. *Աղի ծով*),⁴⁹ очевидно, опять-таки в значении „белое море“ (его название **Σπαίταν* > *Σπαϊταν*, как было уже сказано, означало „светлый“ = „белый“).

Как в мифологических представлениях древних людей воды севера—левой стороны света—сопоставлялись с темными водами недр. (ср. *Ахѣаѣпа*, *Πόντος*; *Μέλας*, *Σει* соц. и другие однозначные названия Черного моря), так и воды юга—правой стороны света—сопоставлялись с ясными, светлыми водами небес⁵⁰. Поэтому цвето вые термины, предназначавшиеся для вод юга и неба. и происходящие от них названия разных географических объектов (преимущественно гидронимы), отражают оттеночные особенности светло-белых цветов, характеризующих

⁴⁴ О. С. Երեմյան, указ. соч., с. 52; Հ. Հ. Կարապետյան, *Սեպագիր աղբյուրների Աղի քաղաքը* (2002 թվ. «Արարիկ համալսարանի գիտաֆյունդեր», 1975, № 4, էջ 95—97). По О. Карагезяну, «название города Али не имеет никакого отношения к армянскому слову *al* («соль»), несмотря на то, что воды озера Ван, действительно, очень соленые...» (там же, с. 96).

⁴⁵ Կ. Աղանյ, *Հայաստանի պատմագիտական Երեմյան*, 1972, էջ 159, ծան. 1, О. С. Երեմյան, указ. соч., с. 33; Հ. Հ. Կարապետյան, указ. соч., с. 95—97.

⁴⁶ Из того же и.-е. корня греч. *πελιδός* «бесцветный, серый, пепельный», др. инд. *palidās* „седой, старик“, *palidām* „седые волосы“, латин. *palidus* „бледный“, др. слав. **polivъ* „бледный, белый“, др. в. немец. *falo* „бледный, светловолосый“, и т. п. (J. Pokorny, *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, v. 2, Bern, 1949—1959, S. 53).

⁴⁷ Հ. Ահաмян, *Հայերեն արմատական բառարան*, հ. Ա. Երեմյան, 1971, էջ 93.

⁴⁸ URU A-II-la урартских и URU AII-II-la аккадских клинописей (Հ. Հ. Կարապետյան, указ. соч., с. 93—94).

⁴⁹ «История анонимного повествователя. Псевдо-Шапух Багратуни», перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1971, с. 131.

⁵⁰ Ср. также исконно русское (диалект.) название Черного моря—«Святое море» (М. Фасмер, указ. соч., т. 3, с. 585, т. 4, с. 345), в то время, как для русских тоже противоположная сторона Черного моря (на юге), т. е. северная—представляла царство мрака и смерти (Б. А. Рыбаков, указ. соч. с. 15).

священное небо.⁵¹ Все вышеизложенное даст основание утверждать, что названия Շարտաւ (<*Շարտաւ) и Աղի ծով (<*Alia) озер Урмия и Ван, имеющие в древнейшие времена значения „светлый“, „белый“ и т. д., даны этим водным бассейнам потому, что они находились на южной (правой) стороне Древней Армении.

В пользу правильности проведенной нами выше этимологии древнейших названий Черного моря, озер Урмия и Ван говорят не только географическое расположение Черного моря и этих озер, но и современные турецкие названия Черного и Средиземного морей. Находящееся на севере (по восточной ориентации—на левой стороне) Малой Азии Черное море турки называют *Kara deniz* «черное море», а находящееся на юге (на правой стороне) того же полуострова Средиземное море—*Ak deniz* «белое море». Эти пелагонимы, являясь буквальными переводами⁵², отражают мифологические представления не турок, а древних жителей Малой Азии о северных (левосторонних) и южных (правосторонних) водах. Дело в том, что, согласно подобным же представлениям тюркских (а также китайско-тибетских и монгольских) народов, север сопоставлялся черному цвету, а юг, в отличие от индоевропейцев,—красному⁵³. Притом, белый цвет, по их чосприятию, был цветом запада (а не юга)⁵⁴.

Интересно отметить, что индоевропейское представление нашло свое отражение и в древних топонимах западной части Армянского нагорья. Севернее древней Хайасы («колыбели армян»)⁵⁵, между нею и Восточно-понтйским хребтом, была расположена страна Бала, а южнее той же Хайасы, между Армянским Тавром и северо-западной Месопотамией—страна Шубриа. Название первой из этих стран в устах индоевропейско-армянских племен должно было бы звучать именно *Bala*, а не *Pala* (последнее произношение возможно на хеттском, «поскольку чередование *p=b* обычно в хеттском письме»)⁵⁶: ср. название соседней с исконной Бала (страна Бала в узком смысле) страны Титапа, которое на Армянском нагорье произносилось **Do-tapa* (>др. греч. *Δοῦαπα*), а не **To-tapa*. Если вспомним, что *Dapku* название соседней с Бала хеттской области означает «темное место» (<хетт. *dapku*—«темный»)⁵⁷, то то же значение можем искать и в названии страны Бала, ввиду того, что она находилась севернее (северо-западнее) основных хайасских земель.

⁵¹ По-видимому, в мифологических представлениях древних армян с югом (правой стороной) сопоставлялся и синий цвет дневного безоблачного неба. Это подсказывает название *Karutan* Урмийского и *Karot soḫ* (*Կարոտ ծով*) Ванского озер (от, арм. *karout* «синий»). См.: *Ս. Տ. Երեմյան*, указ. соч., с. 58, 105; *Արմենիա ծովեր* Ե. Բ. Մ. Բ., էջ 547.

⁵² Ср. др. греч. *Πόντος μέλας*, сред. греч. *Θαλάσσα Σαῦταίνη*, нов. греч. *Μέλανη Θαλάσσα* названия Черного моря в значении «черное море, темное море» (М. Фасмер, указ. соч., т. 4, с. 345).

⁵³ Ср. этноним *Kürgan-oguz* «красные огузы» [Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении этнонима *кыргызы* («Советская этнография», 1964, № 2, с. 62—63)].

⁵⁴ «Цветовая символика», с. 164—165, 176. Ср. *Ak dangiz* «белое море»—название Каспийского моря, которое находилось на западе Туркестана.

⁵⁵ Гр. Капанцян, Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия, Ереван, 1956 (на обложке—1957), с. 7—259.

⁵⁶ Там же, с. 342.

⁵⁷ В. Н. Хачатрян, Восточные провинции хеттской империи, Ереван, 1971, с. 55, 57, 60.

Армянское слово *bal* (բալ «туман», «облако», «дым», «темнота», «ночь»)⁵⁸ происходит от и.-е. корня *bhal— («белый, беловатый, светлый»). Семантическое развитие «белый» > «темный» можно предположить еще для индоевропейского корня, поскольку оно в некоторых случаях проявляется в других и.-е. языках⁵⁹: ср. др. греч. φαῖλος («черный с белыми пятнами»)⁶⁰, русск. *бельмо* («стойкое, неспособное к просветлению, помутнение роговой оболочки глаза; катаракт»), чеш. *bělmo* («белизна», «белок глаза», «бельмо», «умопомрачение»)⁶¹. Однако из всех и.-е. языков только в армянском налицо утрата первоначального значения корня и приобретение нового смысла, противоположного изначальному: ср. также армянские слова *bałak* (բալակ, одно из значений которого «теневого» > «призрак, привидение»)⁶² и *bałti* (բալտի «злосчастный, плохой, неприятный»)⁶³. По-видимому, не случайно, что и.-е. корень *bhal- с присущим ему только в армянском языке смыслом лёг в основу названия северной (т. е. левосторонней) страны Бала.

На противоположащей относительно Бала—южной стороне света, между северо-западной Месопотамией и древней Хайасой, находилась страна Шубриа (шумер. SUBUR, аккад. SUBIR, Subartu, асир. Šubarī, Šubura, Šubre, Šubria).⁶⁴ В основе этого названия, по нашему мнению, лежит прототип армянского слова *surb* (սուրբ «чистый», «непорочный», «посвященный», «священный», «святой» и т. д.)⁶⁵, так как в ассирийском письме š = s⁶⁶. Армянское слово происходит от *subr и представляет собой сатемный рефлекс и.-е. *k'ubhro (<k'u-bh-r-)⁶⁷: ср. древнеиндийское слово *śubhra* («красивый, блестящий, ясный, светлый, белый, чистый» и т. д.)⁶⁸. Очевидно, страна называлась Шубрией потому, что находилась южнее древней Хайасы. А юг—правая (светлая, чистая и т. д.) сторона света.

Как установил Г. Б. Джаукян, по данным ономастического материала хеттского периода, «среди народов восточных окраин Хеттско-

⁵⁸ «Ներ րազդրը հայկազան լեզուի», հ. Ա, Երևան, 1979, էջ 423, Հ. Ա ճ ա յ ա ն, Հայերեն արմատական բառարան, հ. Ա, էջ 383.

⁵⁹ Հ. Ա ճ ա յ ա ն, указ. соч., т. I, с. 383.

⁶⁰ Там же, с. 383.

⁶¹ «Этимологический словарь славянских языков», вып. 2, М., 1975, с. 86.

⁶² «Րազդրը հայոց», էջ 47, «Ներ րազդրը հայկազան լեզուի», հ. Բ, Երևան, 1981, էջ 754.

⁶³ В *bałak*—*ak* уменьшительный суффикс, а в двусловном слове *bałti* налицо корень *ti* «связка, повязка» (<и.-е. *de «связать, привязать»): ср. *gałti*, *sameti*, *kałoti* (Հ. Ա ճ ա յ ա ն, Հայերեն արմատական բառարան, հ. Ա, էջ 608).

⁶⁴ Д. Н. Сафракян, Страна Шубриа в урартских надписях («Древний Восток», 2, Ереван, 1976, с. 121).

⁶⁵ «Ներ րազդրը հայկազան լեզուի», հ. Բ, էջ 733.

⁶⁶ И. М. Дьяконов, Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей («Вестник древней истории», 1981, № 2, с. 56, пр. 104).

⁶⁷ Հ. Ա ճ ա յ ա ն, Հայերեն արմատական բառարան, հ. Դ, էջ 256.

⁶⁸ «Wörterbuch Sanskrit-Deutsch», S. 486. Реликты того же и.-е. слова мы находим в таких переднеазиатских топонимах, какими являются гидроним Σίβρος на юго-западе Малой Азии и название населенного пункта Σιβρία на западе Северного Кавказа [см. Р. К р е т с ч м е р, Die Stellung der Lykischen sprache, («Glotta», XXVII, 1939, S. 257—259; О. Н. Трубачев, Серебро («Востоочнославянское и общее языкознание», М., 1978, с. 98—99)].

го государства, в соседстве с хайасцами с древнейших времен жили также племена, говорящие на армянском или близких к нему языках⁶⁹. Опираясь на индоевропейско-армянскую этимологию антонимов *Bala* и *Subria*, мы приходим к заключению, что «на армянском или близких к нему языках» говорили не только какие-то племена вне Хайасы, но и сами хайасцы—коренные жители той страны, которая была расположена между «левосторонней» Белой (на севере) и «правосторонней» Шубрией (на юге). Данное заключение подтверждается и тем, что по мнению большинства исследователей именно прототип этнонима *hay* (հայ)—самоназвания носителей армянского языка, лёг в основу названия страны Хайаса (хетт. *Ḫajaša* = *Ḫajaša*).

Упомянутый автором «Армянской географии» пелагоним *Какамаг* (Կափափաղ) свидетельствует в пользу индоевропейско-армянского происхождения также и племени халти—этнического элемента, от которого Черное море получило это название. В пользу того, что армянский и халтийский этносы являются порождением одной и той же историко-географической и этно-языковой среды, говорят в особенности антонимы *Какамаг* (название Черного моря) и *Ai* (название озера Ван), возникшие на основе противопоставления левого (северного) и правого (южного). Следовательно, предки средневековых халтиев несомненно принадлежали к той же этнической общности, компоненты которой говорили «на армянском или близких к нему языках».

Правда, согласно существующему в современной историографии мнению, племя халти имело не индоевропейско-армянское, а древнекавказско-грузинское происхождение. Их иногда отождествляют с древними халюбами и гализонами и считают предками нынешних лазов⁷⁰. Однако, отметим, что тождественность или же генеалогическая общность этих племен не подтверждается источниками. Так например, древние греки приписывают халюбам скифское происхождение, считая их скифским: переселенцами⁷¹. По-видимому, под влиянием греческих авторов, армянские переводчики отождествляли халтиев со скифами, вместо *Σκυθοί* греческого текста ставя в армянском переводе Библии *Xaltik* (խալտիկ)⁷². Таким образом, в армянском переводе Библии вместо скифских халюбов выступают халтии. Однако подобное недоразумение впервые встречается уже у греческих авторов, которые путают друг с другом эти два восточнопонтийских племени, носивших созвучные этнонимы. Так например, по Страбону, Арташес I и Зарех завоевали у халюбов и мосюнойков Карин, Держан⁷³, следовательно и находившийся за ними Спер. Однако местные топонимы *Xaltou aric* (խալտույ աւիկ «село Халтой») и *Xaltou*

69 Գ. Բ. Ջահանգիրյան, Հայաստանի լեզվի հինահայերենական ծագման վարկածը («Պատմա-լեզվաբանական հանգանակ», 1976, № 1, էջ 110):

70 Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 70—72; Б. Б. Piotrowski, Ванское царство (Урарту), М., 1959, с. 120; И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1963, с. 117, 119, 121, 144, 159, 171, 218; А. В. Урушадзе, Страна волшебницы Медин («Кавказ и Средиземноморье», Тбилиси, 1980, с. 25).

71 В «Семеро против Фив» Эсхила (V, 227) они называются *Λαλιβοὶς Σκυθῶν ἀπὸ τοῦ* (Ն. Ա. Գ. Գ., указ. соч., с. 305, пр. 2).

72 И. Макаван, IV, 47 (Ն. Ա. Գ. Գ., указ. соч., с. 305).

73 Strabo, XI, 14, 5.

jog (*խաղաղ ձոր* «ущелье Халтой»)⁷⁴ свидетельствуют о том, что мы имеем дело не с халюбами, а с халтиями⁷⁵. По-видимому, чтобы избежать подобной путаницы и отличить халюбов от халтиев, Плиний Старший называет последних арменохалибами (*armenochalybes*)⁷⁶, т. е. «армяно-халюби». Таким образом, Плиний подтверждает факт индоевропейско-армянского происхождения халтиев. В пользу нашего вывода говорит также Стефан Византийский, который называет византийскую провинцию Халдия (*Χαλδία*), охватывавшую восточнопонтийские горы и прилегающие прибрежные районы, «армянской страной» (*Χαλδία χώρα τῆς Ἀρμενίας*)⁷⁷. Надуманная общность халтиев, халюбов и гализонов на самом деле состояла из индоевропейско-армянского и «скифского» этнических элементов. При этом, халтии (*armenochalybes*), несомненно, представляли индоевропейско-армянский элемент Восточнопонтийско-Причерноморского региона. Будучи отрезанными от Великой Армении труднопроходимыми Восточнопонтийскими горами и находясь веками под влиянием иностранных держав (Понтийской, Римской, Византийской), раннесредневековые халтии, тем менее, не деэтнизировались, сохранив свои племенные особенности. Эти автохтонные предки хамшенских армян (арм. *hamşenci* тур. *hemşinli*)⁷⁸ еще в VII в. продолжали называть Черное море индоевропейско-древнеармянским названием *Kakamar*.

ՍԵՎ ԾՈՎԻ, ՈՒՐՄԻՈ ԵՎ ՎԱՆԱ ԼՃԵՐԻ ՀԱՊՈՒՅՆ ԱՆՈՒՆՆԵՐԸ ;
ՀԻՆ ՀԱՅԵՐԻ ԱՌԱՍՊԵԼԱՐԱՆԱԿԱՆ ՊԱՏԿԵՐԱՑՈՒՄՆԵՐԻ ԼՈՒՅՍԻ ՏԱԿ

ՍԱՐԳԻՍ ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Համալսարանի տեղաբնիկ նախնիների՝ խաղաղնիքի (հին հուն. *Χαλδαιοί*, *լատ. armenochalybes*, հայ. *Խաղաղնիք*) կողմից հնում Ան ծովին տրված Կա-
կամար անունը հնդեվրոպական ժառանգությանն է նշանակում է զար ծով, «պիղծ
ծով»։ Այդ անունը ծովն ստացել է Հարկական լեռնաշխարհի նկատմամբ իր
ունեցած հյուսիսային դիրքի պատճառով։ Լեռնաշխարհի հակադիր (հարավա-
լին) մասում գտնվող Ուրմիոն և Վանա լճերը հնում համապատասխանաբար
կոչվել են Տαῖτον (**spaīt-an*, որտեղ՝ **սպայտ*) սպետ, հմատ. սպետափառ
«պալժառ») և Աղի ծով (նաև ծովն աղի, Աղի ծովակ, ծովակն աղի)։ Վեր-
ջին անունը ժառանգաբանորեն առնչվում է ոչ թե հայերեն ցղ, այլ ալի («ալիք,
կոհակ» և «սպիտակ մորուս կամ մագ») բառին։ Ի դեպ, վաղնջական ժամա-
նակներից այդ նույն անունն էին կրում նաև հյուսիսից Վանա լիճը թափվող

⁷⁴ Ս. Ս. Երեմյան, указ. соч., с. 55; Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, С.-Петербург, 1908, с. 52, 63.

⁷⁵ По этому поводу вспомним также, что страна *Halitu*, согласно урартским надписям, охватывала именно эти районы (Ս. Ս. Երեմյան, Արարատյան գետաբերդներ 860—560 թթ. մ. թ. ա., քարեզր, Երևան, 1980). Притом, *Halitu* = др. арм. **Xařitoy* > *Xařtoy* (խաղաղ)։

⁷⁶ P l i n., Nat. Hist., VI, 11, 1 (Н. Адонц, указ. соч., с. 59).

⁷⁷ Step. Byz., v. *χαλδία* (Н. Адонц, указ. соч., с. 59, пр. 1).

⁷⁸ Их ряды в VIII в. дополнили переселенцы из центральных районов Армении, во главе с Шалухом и Хамзюмом Амагуни.

Արճեշի գետակը, նրա հովիտը (Աղիովիտ < Աղի-հովիտ) և այնտեղ գտնվող բրնակավայրերից մեկը (սեպագր. Alia, ավելի ուշ՝ Հաղի)։

Նույնպիսի իմաստաբանական հակադրամիասնություն մեշ են գտնվում նաև հնագույն Հայաստանի հյուսիս ընկած Bala երկրի և հարավ ընկած Subria երկրի անունները (հմմտ. հայ. բալ՝ մեծ, մշուշ, ամպ, ծուխ, խավար, գիշեր» և սուրբ՝ մաքուր, անարատ, նվիրական, սրբազան, սուրբ)։ Փաստորեն, ինչպես ծովին ու երկու լճերին, այնպես էլ հիշյալ երկու երկրներին տրված հականունների աղբյուրը գտնվում է դրանց միջև ընկած տարածքում՝ հնագույն Հայաստանում։ Հենց վերջինիս նկատմամբ էին թե՛ ծովն ու լճերը, թե՛ այդ երկրները գտնվում աշխարհի հակադիր կողմերում՝ համապատասխանաբար հյուսիսում և հարավում։

Հին հնդեվրոպացիների, նրանց թվում և հին հայերի, առասպելաբանական պատկերացումների համաձայն՝ «սև, մութ, խավար», «կեղտոտ, պիղծ, չար» հասկացությունները պատկանում էին «ձախ»-ի, իսկ «սպիտակ, պալծառ, լուսավոր», «մաքուր, սուրբ, բարի» հասկացությունները՝ «աշ»-ի իմաստաբանական շարքին։ Քանի որ հին հնդեվրոպացիները կողմնորոշվում էին դեպի արևելք (արևածագի վայրը) դարձած դեմքով, ապա ձախը նրանց պատկերացումներում, բնականաբար, համընկնում էր հյուսիսի, իսկ աշը՝ հարավի հետ։ Այստեղից էլ «ձախ»-ի իմաստաբանական շարքը բնութագրող գունանիշ տերմինների և դրանց առնչվող մակդիրների կիրառումը հյուսիսի (և այնտեղ գտնվող աշխարհագրական օբյեկտների), իսկ «աշ»-ի իմաստաբանական շարքը բնութագրող գունանիշ տերմինների և դրանց առնչվող մակդիրների կիրառումը հարավի (և այնտեղ գտնվող աշխարհագրական օբյեկտների) համար։